

ПОНЯТНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Автор-составитель
Александр Марков

ДЕНЬГИ

АРИСТОТЕЛЬ / Б. СПИНОЗА / К. МАРКС И ДР.

Издательство АСТ
Москва

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)
А81

Дизайн серии *Алексея Родюшкина*

Автор-составитель доктор филологических наук, философ,
профессор РГГУ *Александр Марков*

**Аристотель,
Спиноза, Бенедикт
Маркс, Карл и др.**

А81 Деньги. / Аристотель, Бенедикт Спиноза, Карл Маркс; авт.-сост. Александр Марков. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 288 с. — (Понятная философия).

ISBN 978-5-17-163943-3

Деньги издавна служили предметом споров и размышлений, становились причиной войн и конфликтов, тем не менее люди всегда стремились к достатку и накоплению материальных благ. Будучи частью повседневной жизни деньги вошли в список «вечных» тем и у философов. Такие мыслители Античности как Платон и Аристотель задавались вопросом о том, что такое «настоящее» богатство. В эпоху Просвещения философы Адам Смит и Давид Рикардо рассматривали понятие денег комплексно, связав их с трудом и его результатом. Социолог Карл Маркс в своих работах показал, как деньги превращаются в капитал, обретающий собственную волю и власть над рабочими классами. Его последователь, марксист Вальтер Беньямин, рассуждал о влиянии денег на культуру и предложил пути гуманизации экономики. Современные мыслители Жак Деррида, Славой Жижек и Амартия Сен говорили о парадоксальности денег. В издание вошли фрагменты работ известных античных, западноевропейских и российских философов.

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)

ISBN 978-5-17-163943-3

© А.В. Марков, автор-составитель, 2024
© Издательство АСТ, 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

Философская работа обычно представляется бескорыстной. Начиная с Платона, философы осуждали профессиональных преподавателей мудрости, софистов, за то, что последние брали деньги за преподавание или ораторское сопровождение дел. Расхожий образ философа, от средневековых новелл до современных сериалов, — чудака, холостяк, странноватый и непохожий на других человек, который не умеет устроиться в жизни. Как будто философ не может даже сварить яйцо на завтрак, не говоря о том, чтобы выбрать себе рубашку приятных тонов. Щегольский вид философа сразу заставляет подозревать в нем скорее успешного политика, экономиста или консультанта, чем служителя мудрости.

Но достаточно прочитать любой учебник по истории философии, чтобы убедиться, что такой образ философа просто неверен. На первой же странице мы встретим Фалеса Милетского (ок. 630 — ок. 550 гг. до н. э.), учившего, что все произошло из воды. О философе рассказывали, что как-то он шел, считал звезды и не заметил, как упал в колодец. Оказавшаяся у колодца служанка громко рассмеялась: почтенный астроном знает устройство неба, но не видит ничего под ногами.

Но на самом деле Фалес был одним из создателей *метеорологии*, науки о небесных явлениях, и мог предсказывать погоду. Зная, что урожай олив на следующий год будет большим, он взял в аренду маслобойни по средней цене. Став монополистом, он в урожайный год требовал с владельцев урожая большие деньги за переработку олив и так показал преимущества философии перед здравым смыслом.

Можно не заметить колодец под ногами, но показать себя как экспертом в области экономики, так и одним из создателей этой науки. Фалес не просто открыл, что монополист может получить большой доход, но выявил *корреляцию*, связь между колебаниями цен и структурой сделок. Можно сказать, что он построил довольно сложную экономическую модель, где есть и сезонный фактор в развитии рынка, и непредсказуемые аномалии урожая, и ожидаемый доход, и реальная прибыль.

Если до Фалеса все мыслили доход простой наградой за труд, то после Фалеса стали думать о прибыли как показателе, требующем учета непростых обстоятельств. Так обстоятельства были «расколдованы» наукой. Это уже не бедствия, лишившие дохода, а факторы, поменявшие норму прибыли.

Конечно, путь от Фалеса до современной философии экономики был долгим. Ведь экономические понятия очень трудно сделать абстракцией. Легко можно сделать абстракцией геометрические понятия — вспомним Пифагора. А деньги — вот они, у нас на ладони, как богатство, сокровище, награда. Чтобы сказать «капи-

тал» или «обеспечение сделки», необходима была большая работа мысли.

Но главное, для возникновения философской экономической терминологии должны были поменяться сами правила экономической жизни. Нужно было увидеть не просто как деньги достаются в обмен на товар, но как они работают, наподобие того, как работает пар в паровом двигателе. Развитие капитализма позволило разглядеть, как функционируют рычаги и маховики, понять, что чугунные машины движутся как будто сами по себе, наполовину незримым действием пара, а не как инструменты, помогающие нам. И так же стало видно движение капитала.

Поэтому философия денег в собственном смысле возникает только во второй половине XVIII века, в трудах англичанина Адама Смита (1723–1790), и находит продолжение в работах его бунтующего ученика Давида Рикардо (1772–1823). Эти философы разделили понятия, которые до этого смешивались, например понятия «цены» и «стоимости». Но это не значит, что философы предыдущих эпох не думали о деньгах, богатстве и их значении для человека и государства. Просто их экономическая мысль не была отделена от политической и этической и требует особых комментариев.

Мы расскажем о философах, которые были вполне практичны и являлись организаторами экономической и государственной жизни. Таких было немало и в древности, и в Средние века, и в Новое время. Но также мы будем говорить о философах денег близкого к нам времени, в том числе ныне живущих. Некоторые из них

считаются экономистами. Например, нобелевский лауреат, американец индийского происхождения Амартя Сен (р. 1933). В то же время он признанный современный философ — многолетняя дружба с женщиной-философом Мартой Нуссбаум (р. 1947) сформировала и его нравственные убеждения, и новое учение о связи ответственного использования денег с социальной справедливостью.

Для нас, идущих по улице Карла Маркса, этот человек часто просто часть городского пейзажа, табличка на стене дома. Но в этой книге великий философ и экономист — центральная фигура. Не только потому, что Маркс разработал основополагающий аппарат философской мысли об экономике, развив и доведя до совершенства такие понятия, как *потребительная* и *меновая* стоимость. Маркс показал, что экономика может быть таким же достойным предметом философии, как бытие, сознание или внутренняя жизнь человека.

Благодаря Марксу мы иначе представляем и историю философии: это не просто создание философских учений, но постоянное вмешательство в бытие, улучшающее жизнь людей и позволяющее увидеть деньги с лучшей стороны. Это вмешательство конфликтно и даже революционно, но без него мы будем путаться в простых понятиях и не перейдем к серьезному экономическому действию.

Методологически я исхожу из того, что мысль прошлого можно постигать двумя способами. Первый способ — комментаторский, его примером служит средневековая схоластика. Комментатор смотрит на себя скромно, как Фома Ак-

винский, говоривший, что его мысли — «только солома». Второй способ — установление отношений конгениальности, когда, например, другой христианский мыслитель, Аврелий Августин, объявил, что Библию могут понять только святые.

Исходя из гипотезы конгениальности, ты смотришь на себя как на равного великим людям прошлого: святой Августин читает святого Павла. Так мыслили себя многие творцы культуры: Петрарка не сомневался, что он равен во многом Вергилию, Джордано Бруно — что он новый Платон, а Лютер — что он равен пророкам и апостолам. Так же мыслили о себе немецкие *трансценденталисты*¹: когда Гегель писал о философах прошлого, он считал себя не меньшим умом, чем они.

Мне ближе всегда был второй способ отношения к личностям прошлого: когда я пишу о мыслителях прошлого, то пишу о них как о коллегах, как о равных. При этом я воздаю должное и первому способу — в одной из первых глав читатель встретит Эразма Роттердамского, для которого трудолюбивый филолог-комментатор — центральный деятель культуры.

Несомненно одно. Философию денег можно усвоить только напряженно думая о другом — о партнере по бизнесу, об участнике сделки, о системе эмиссии или валютного контроля. Двигаясь глава за главой, мы увидим, что другой человек, а вовсе не деньги или капитал — главный герой философии денег, которая открывала

---

¹ Значение этого слова объясняется ниже, в главе о Шеллинге.

не столько свойства богатства или инвестиций, сколько свойства этого человека, партнера, без которого экономист не заработает.

В этом смысле философия денег — это и введение в общие методы философии. Ведь только когда мы смотрим на привычные явления глазами другого, мы открываем их настоящую сущность. А философия денег позволяет открыть сущность денег и сделать шаг вперед — к более уверенному, более свободному и более справедливому их использованию.

Александр Марков

1

БЛАГО ПО ТУ СТОРОНУ БОГАТСТВА И БЕДНОСТИ

ПЛАТОН

Платон (ок. 424 — ок. 348 гг. до н. э.) происходил из аристократической семьи, среди его предков были древние афинские цари. Богатство было знакомо ему с детства, и круг его общения — круг людей состоятельных и успешных. Сад Академа, в котором он создал философскую школу, был местом собраний молодых людей из самых влиятельных семей. Они там знакомились, дружили, вместе развивали тело и ум.

Платон начал давать уроки в этом саду, примерно как если бы современный философ преподавал в самом блистательном закрытом клубе. Поэтому он, в отличие от предыдущего поколения философов, софистов-интеллектуалов, не брал плату за учебу. Как можно брать плату с аристократов, почти полубогов?

Платон здесь равнялся на своего учителя Сократа. Быть внутри государства, политической жизни, успеха — это и значит, согласно Сократу, не нуждаться в деньгах. Сам он считал деньги предметом интереса ремесленников, но не философов: философ всегда найдет себе кров и пищу, он уже среди людей, которым мудрость дала счастье, и не требует поденной платы.

Поэтому Платон в диалоге «Государство» устами Сократа бранит ремесленников: они

знают, что такое бедность и богатство, но не знают *сущности вещей*, которая и позволяет судить о бедности и богатстве. Платон сочиняет такой разговор Сократа и Адиманта. Сократ приводит аргументы, а Адимант вынужден соглашаться:

— Посмотри, не это ли портит всех остальных мастеров, так что они становятся плохими...

— Что ты имеешь в виду?

— Богатство и бедность.

— Как это?

— А вот как: разбогатевший горшечник захочет ли, по-твоему, совершенствоваться в своем ремесле?

— Нисколько.

— Скорее он будет становиться все более ленивым и небрежным?

— И даже очень.

— Значит, он станет худшим горшечником?

— И это, конечно, так.

— А если по бедности он не может завести себе инструмента или чего-нибудь другого, нужного для его ремесла, то его изделия будут хуже и он хуже обучит этому делу своих сыновей и других учеников.

— Да, не иначе.

— Значит, и от того, и от другого — и от бедности, и от богатства — хуже становятся как изделия, так и сами мастера.

— Это очевидно².

---

² Платон. Государство / пер. А. Н. Егунова // Платон. Собрание сочинений. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 190.

Итак, богатый мастер делается ленивым: за него работает приобретенная им репутация. Но бедный мастер остается неумелым — у него нет даже хороших инструментов, и его изделия вряд ли будут хороши.

Сократ у Платона вполне решает известный в наши дни бытовой спор, нужно ли художнику быть богатым, чтобы пользоваться вдохновляющими возможностями, или бедным, чтобы иметь стимул производить всё новые вещи и совершенствоваться. Для Сократа и то и другое недопустимо. Художник должен быть не богатым и бедным, а *осознающим*, какими возможностями он пользуется и что ему дает действительность.

Платоновский Сократ делает из критики одновременно бедности и богатства вывод и о природе государства. Обычно даже в самых сильных государствах есть борьба за власть между бедными и богатыми. В результате граждане не склонны защищать государство до конца: ведь одни просто наняты богатыми, а другие боятся потерять и то небольшое, что имеют.

Сократ хочет создать идеальное государство, где нет бедных и богатых, где все получают по заслугам и поэтому будут стоять на смерть за свое государство. Ведь они тогда сражаются не за свои или чужие интересы, но за саму справедливость и за саму добродетель. Они воюют за высшие ценности, а не за ситуативные случайные блага:

У всех остальных название должно быть длиннее, потому что каждое из них представляет собою множество государств, а вовсе не «город», как выражают-

ся игроки. Как бы там ни было, в них заключены два враждебных между собой государства: одно — бедняков, другое — богачей; и в каждом из них опять-таки множество государств, так что ты промахнешься, подходя к ним как к чему-то единому. Если же ты подойдешь к ним как к многим и передашь денежные средства и власть одних граждан другим или самих их переведешь из одной группы в другую, ты всегда приобретешь себе союзников, а противников у тебя будет немного. И пока государство управляется разумно, как недавно и было нами постановлено, его мощь будет чрезвычайно велика; я говорю не о показной, а о подлинной мощи, если даже государство защищает всего лишь тысяча воинов. Ни среди эллинов, ни среди варваров нелегко найти хотя бы одно государство, великое в этом смысле, между тем как мнимо великих множество и они во много раз больше нашего государства³.

Под игроками Платон имеет в виду играющих в азартные игры, вроде наших шахмат или нард. Кажется, что перед игроками единое поле, но на самом деле это две «команды» фишек, из которых то одна, то другая получает преимущество. За мнимым разумным устройством скрывается нестроение и насилие со стороны богатых или бедных.

Платон говорит в этом рассуждении также о государствах «варваров», например персов. Они кажутся могущественными, но при этом воины в них мотивированы только жалованием

---

³ Платон. Государство / пер. А. Н. Егунова // Платон. Собрание сочинений. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 192.

или угрозами насилия. Такое государство не выдержит столкновения с воинами, готовыми стоять насмерть ради высших ценностей и которые поэтому чужды и чрезмерному богатству, и гнетущей бедности.

Но в этом же диалоге Платон высказывает устами Сократа еще одну мысль, которая и станет решающей для философии богатства на много веков вперед. *Мудрец* не нуждается в богатстве — он все свое сокровище носит с собой и всегда может добиться всего своим умом, без всякого богатства. *Мужественный* человек тоже не нуждается в богатстве — он суровый воин, невольник чести, который думает только о сражениях и достоинстве победителя. Но в богатстве нуждается человек *рассудительный*, поддерживающий равновесие в делах и потому умеющий любое богатство употребить в разумных целях, все делая вовремя и ко времени.

Сводя воедино избыток ресурсов в одном месте и недостаток ресурсов в другом месте, рассчитывая, где нужно возместить недостачу и где сделать обилие еще обильнее, рассудительный человек создает благую жизнь как сложную систему равновесий. Он знает, что нужно делать завтра, что — послезавтра, через год или десять лет:

— Ну, вот видишь, мы, значит, верно предсказывали не так давно, что рассудительность подобна некой гармонии.

— И что же?

— Это не так, как с мужеством или мудростью: те, присутствуя в какой-либо одной части государства, делают все государство соответственно либо